

Цяо Цзинь с давних пор боялся, что Чжоу Су ввяжется в драку.

Во-первых, тот чаще всего дрался ради него самого, из-за чего нередко ходил с синяками и ссадинами. Самый тяжелый случай был, когда у Чжоу Су неделю была опухшая кисть, а нога едва не оказалась сломана.

Во-вторых, Цяо Цзинь был робкого десятка и не мог на это смотреть.

У Чжоу Су был огромный талант к танцам, но, в отличие от Цяо Цзиня, сам он к ним не питал ни малейшего интереса. Большинство выступлений он брал лишь ради того, чтобы помочь Цяо Цзиню.

— Прошу тебя, не лезь больше в драки, — мягко уговаривал его Цяо Цзинь. — Я знаю эту танцевальную труппу. Учитель Фан говорил, что они обладают большим влиянием в индустрии. Если ты обидишь их заместителя руководителя, то в будущем тебе будет очень сложно продвигаться по этому пути.

Чжоу Су открыл было рот, но внезапно странно уставился на Цяо Цзиня.

— Что... что случилось?

— Почему ты перестал заикаться?

Цяо Цзинь приоткрыл рот. Он и сам не заметил, как давно перестал запинаться по-настоящему сильно. Даже если речь порой становилась не такой плавной, она лишь слегка прерывалась, но больше не было того, как раньше, когда от любого волнения он не мог выдать из себя ни слова.

Глядя на Цяо Цзиня, Чжоу Су вспомнил время, когда они только познакомились. Тогда Цзян Фэй прижал его к стенке у заднего входа в школу, заставив покраснеть до корней волос. Цяо Цзинь не мог произнести ни звука, отчаянно краснея от бессилия.

Цзян Фэй издевался над ним, требуя заговорить. Зная, что тот не может, он настаивал: Скажешь хоть слово — и я тебя отпущу, ну как?

Цяо Цзинь сжал кулаки, губы его были плотно сжаты, он страдал.

Чжоу Су пнул стул, создав шум, чтобы отвлечь Цзян Фэя: Эй, ты ослеп? Не видишь, что ему плохо?

Цзян Фэй обернулся с вызывающим видом: Тебе-то какое дело?

— Обижать омегу — невелика заслуга. Если такой смелый, иди сюда, подрись со мной. Победишь — я мигом провалюсь отсюда и буду обходить тебя десятой дорогой.

Цзян Фэй бросил на него взгляд: С чего это мне с тобой драться? Больше заняться нечем?

Чжоу Су подошел и, притянув Цяо Цзиня за спину, закрыл его собой: Это мой парень. Раз ты не хочешь драться, то теперь я сам тебя побью.

С того самого дня у них с Цзян Фэем начались счеты. В каждой драке они получали примерно поровну, но Цяо Цзинь во время хаоса не убегал, а стоял в стороне, не сводя глаз с Чжоу Су.

— Эй, ты чего еще не ушел?

Цяо Цзинь не мог ответить, он дрожал от страха, но уходить отказывался. А когда оба оказывались в крови, он подбегал и рукавом вытирал лицо Чжоу Су.

В то время Чжоу Су переживал период бунтарства и был готов хоть самого себя покалечить, но стоило ему увидеть в глазах Цяо Цзиня беспокойство и благодарность, как всякое желание драться сразу пропадало.

В той чистоте взгляда можно было отмыть любую грязь этого мира.

Чжоу Су выдохнул, подцепил палочками последний кусочек ребрышек и, наклонив голову, спросил: Тетя Ли, эти ребрышки просто божественны! Вы не принимаете заказы на доставку?

Тетя Ли улыбнулась: Будешь приходить играть с Цяо Цзином — я тебе приготовлю.

Чжоу Су втянул голову в плечи: Я не смею часто приходить. Боюсь, что господин Лу меня убьет.

Щеки Цяо Цзиня слегка порозовели, он прошептал: Приходи, я его уговорю. Скажу, чтобы не был с тобой таким суровым.

— Забудь, я хочу пожить еще несколько лет. Ты только хуже сделаешь: уговоришь его — и он, боюсь, просто убьет меня на месте.

Чжоу Су доел, вытер рот салфеткой и потянулся: Твой муж гораздо страшнее того придурка. Пожалуй, лучше я буду драться с тем, чем с ним.

Цяо Цзинь: ...Неужели он настолько суров?

Чжоу Су сел прямо и посмотрел на Цяо Цзиня с предельной серьезностью: Поверь мне, твой муж именно такой суровый.

—

Что касается Лу Сяньчжоу.

Выйдя из дома, он направился не в компанию, а сначала в район Ланьцзян.

Это была зона, предназначенная под снос. Полуразрушенные старые жилые дома теснились вплотную друг к другу, узкие проходы были завалены мусорными баками и вещами жильцов, повсюду витал запах плесени и гнили.

Именно здесь жил Чжан Дэюй.

Он был помощником Сунь Канхуа и исчез, как только начались проблемы. Лишь несколько дней назад он объявился, и его телефон был включен всего несколько минут.

Это место было последней точкой, где фиксировался сигнал его мобильного.

В этот момент зазвонил телефон самого Лу Сяньчжоу. Он остановился, чтобы ответить. Звонила Чжоу Ваньжун, в ее голосе сквозила усталость, не было привычной резкости.

— Сяньчжоу, твой отец... — она сделала паузу и поправилась: — Старик Лу сейчас в довольно неплохом состоянии духа, хочет увидеться с тобой. Сказал, что хочет повидать и Цяо Цзиня. Вы в браке уже так долго, а он до сих пор не поговорил с вами как следует.

Лу Сяньчжоу с холодным и жестким выражением лица смотрел вперед: Мгм.

— Он всю жизнь дорожил своим лицом. Все предки семьи Лу были выдающимися людьми в армии и правительстве, они не могут позволить себе такой позор. Будь милосерден, дай им второй шанс, забудь об этом.

Нин Лань обернулся и заметил, что брови Лу Сяньчжоу плотно сдвинуты. Как только звонок завершился, он поспешно спросил: Что случилось?

Лу Сяньчжоу убрал телефон: Ничего. Сначала найдем Чжан Дэюя.

Они расспросили местных жителей, но те лишь качали головами, утверждая, что такого человека не знают. Когда они снова встретились, Нин Лань сказал: Неужели данные брата Юаня ошибочны? Район такой маленький, а все как один говорят, что не знают его.

Лу Сяньчжоу тоже засомневался, но тут внезапно заметил фигуру. Человек лишь на секунду показался из-за угла, но, испугавшись, тут же развернулся и бросился наутек.

— Это он!

—

Лу Сяньчжоу и Нин Лань пробежали больше половины Ланьцзяна, прежде чем поймали Чжан Дэюя. Они зажали его в узком переулке, тяжело дыша: Черт, придурки! Зачем вы преследуете меня?!

Нин Лань пнул мусорный бак: Следи за языком.

Лу Сяньчжоу, напротив, не разозлился. Он медленно подошел к нему и присел на корточки: Скрывался целый год, уже не узнаешь меня?

Чжан Дэюй сперва опешил, а потом задрожал, словно от удара молнии: Что вам нужно?! Смерть господина Суня никак со мной не связана! Вам бесполезно меня искать.

— Мы? — переспросил Лу Сяньчжоу.

Чжан Дэюй был весь в синяках, его одежда превратилась в лохмотья, он выглядел как нищий, годами просящий милостыню, и ничем не напоминал того преуспевающего помощника Сунь Канхуа.

— Я правда ничего не знаю! Вам бесполезно меня искать, отпустите меня! — Чжан Дэюй умолял, обхватив голову руками и сжимаясь в комок в углу. Его взгляд бегал по сторонам.

Лу Сяньчжоу сказал: Ты знаешь. Когда Сунь Канхуа умирал, он наверняка что-то тебе сказал. Где вещи, которые он тебе передал? Отдай их.

Чжан Дэюй резко поднял голову: Откуда ты знаешь?

Нин Лань тоже остолбенел и повторил: Откуда вы знаете?

Лу Сяньчжоу ответил: Раньше не знал, просто предположил. Теперь знаю.

Чжан Дэюй едва не закатил глаза от досады, жалея, что попался на их удочку: У меня ничего нет! Если бы у господина Суня были какие-то вещи, стал бы он отдавать их мне, а не полиции? Я всего лишь помощник.

Лу Сяньчжоу возразил: Они у тебя есть, иначе ты не стал бы скрываться, бросив жену и детей. К тому же, ты сказал, что тебя ищут другие люди — это значит, что они тоже хотят получить то, что у тебя в руках. А когда ты увидел меня, сразу сказал, что искать тебя бесполезно.

— Ты снова пытаешься меня обмануть? — Чжан Дэюй с опаской косился на них из угла. — Я правда ничего не знаю, отпустите меня.

Лу Сяньчжоу: А твои жена и дети могут спрятаться так же быстро, как ты?

Чжан Дэюй резко выпрямился: Что ты хочешь сделать?!

— Я ничего не хочу делать, но не уверен насчет остальных, — Лу Сяньчжоу не стал ходить вокруг да около и отрезал: — У меня есть доказательства. Даже без тебя я смогу отправить виновных в тюрьму. Но ты — другое дело. Это единственный шанс для твоих жены и детей жить спокойно.

Чжан Дэюй молчал.

— Если дело затянется на год, на десять лет — твои жена и дети будут жить в страхе все эти десять лет.

Чжан Дэюй посмотрел на свою рваную одежду, вспомнил, что питается едой, которую даже собаки не стали бы есть, и что любое движение вокруг заставляет его бежать, а жену и детей он видит лишь тайком.

Какая же паршивая жизнь в бегах.

Лу Сяньчжоу не торопился, ожидая, пока тот сам примет решение, словно действительно предоставляя ему право выбора.

— Ладно! Я отдам вам вещи.

...

На обратном пути Нин Лань посмотрел на сгорбленную фигуру Чжан Дэюя и прошептал: Господин Лу, вы просто невероятны.

Лу Сяньчжоу: Мгм?

Нин Лань с восхищением произнес: Откуда вы знали, что его жене и детям угрожает опасность? Мы ведь даже не смогли их найти.

Лу Сяньчжоу ответил: А, я просто блефовал.

Нин Лань: ...Зря я вам поверил.

Лу Сяньчжоу действительно не знал, есть ли опасность для семьи Чжан Дэюя, но логика подсказывала, что такая вероятность очень велика. Если те люди не могли найти самого Чжана, они неизбежно стали бы допрашивать его жену. Если Чжан Дэюй хоть раз видел их рядом, этого было достаточно, чтобы его убедить. Если же он ошибся, то это все равно сработало как угроза, заставляющая поверить в опасность.

Всего лишь психологическая война.

—

В следственном изоляторе Му Шуанлань и Лу Пинъянь смотрели друг на друга через стекло.

Один не знал, что сказать, другой ничего не хотел говорить.

Но время было слишком дорого, поэтому Му Шуанлань заговорил первым: Пинъянь.

Плечи Лу Пинъяня едва заметно дрогнули. От одного этого обращения сердце его словно облилось кровью — он не слышал, как тот называет его по имени, уже больше пяти лет.

Лицо Лу Пинъяня оставалось холодным: Мгм.

Му Шуанлань улыбнулся, его потрескавшиеся губы кровоточили, он с трудом скрывал крайнее истощение.

— Веришь ли ты, что те две аварии — и тогда, и сейчас — были лишь случайностью? — Му Шуанлань смотрел ему прямо в глаза, но спустя мгновение, словно обжегшись, отвел взгляд и опустил глаза, будто говоря с самим собой.

— Тогда я умолял тебя помочь Сяньчжоу, что привело к твоим травмам ног... Прошло столько лет, еще и Момо... — Му Шуанлань поднял голову, его бледное лицо казалось почти прозрачным, голос звучал хрипло и отстраненно: — Я расплатился с тобой?

Лу Пинъянь почувствовал тревогу, низким голосом спросил: Что ты хочешь этим сказать?

У Му Шуанлани было припасено много слов, но после такого вопроса он вдруг не нашелся, что ответить. Подумал, что лишние слова бесполезны, и в конце концов лишь слегка покачал головой.

— Забудь, мне нечего сказать.

Лу Пинъянь холодно произнес: Раз нечего сказать — помни о своем обещании. Заботься о себе, через несколько дней я заберу тебя отсюда.

Му Шуанлань смотрел на его спину в инвалидном кресле и тихо вздохнул. Он хотел сказать, что после всего случившегося он давно должен был вернуть эту корпорацию Лу, которая ему не принадлежит, Лу Сяньчжоу.

Он столько лет ненавидел себя — неужели нельзя хоть немного приглушить эту боль?

— Пинъянь.

Лу Пинъянь сидел к нему спиной, его позвоночник в кресле был прямым, как струна: Что-то еще?

— Я... — слова крутились на языке, острые, как шипы, раздирая его в кровь, но в итоге он так и не смог их произнести, лишь проглотил их вместе с кровью.

— Заботься о Момо.

Голос Лу Пинъяня был сухим и жестким, но в нем слышалась едва различимая дрожь: Это твой ребенок, сам о нем и заботься.

<http://bllate.org/book/21169/2144703>